

Глава 4

Линь Цинхэнь потёр глаза. Он всё ещё отчётливо помнил странный сон, но призрачный экран исчез, а внимание быстро переключилось на гостью.

Юноша лежал в постели, а перед ним на табурете сидела женщина — та самая, что заговорила первой. На вид ей было около сорока: невысокая, с копной небрежно собранных волос, украшенных парой алых цветков. В руках она держала длинную курительную трубку, а вокруг неё, лениво взмахивая крыльями, кружили пчелиные кристальные бабочки.

Если судить лишь по чертам лица, её нельзя было назвать красавицей. Однако в разрезе длинных, подведённых красным глаз таилось необъяснимое очарование, а каждая морщинка лишь подчёркивала благородство её облика. Это была женщина редкого обаяния, чья красота крылась в осанке и характере.

Её звали Юй Иньинь. В огромном хозяйстве семьи Линь она управляла лишь внешним кольцом плантаций. Судя по площади её владений, статус женщины был невелик, да и силой она не блистала — всего лишь первая звезда Тайного уровня. Тем не менее ходили слухи, что много лет назад её устроил сюда один из почтенных покровителей клана, и даже верховный управляющий плантациями обходился с ней подчёркнуто вежливо. Её прошлое окутывала тайна.

За двадцать лет в семье Линь она привыкла вести затворнический образ жизни. Юй Иньинь никогда не стремилась выделиться, была немногословна, холодна и почти не покидала пределов своих угодий. Со временем к ней привыкли, и интерес со стороны клана угас.

На людях Линь Цинхэнь, как и все остальные, почтительно называл её управляющей Юй. Но сейчас, убедившись, что свидетелей нет, он позволил себе иное обращение.

— Наставница, — голос юноши сразу стал мягче, — неужели я проспал так долго?

Ему казалось, что с момента происшествия прошло от силы десять минут.

Юй Иньинь промолчала, лишь взглядом указав на окно. Там, за порогом, уже сгустились сумерки.

— Ох...

Цинхэнь сел в кровати. Первой его мыслью было искреннее сожаление.

— Моя креветочная каша точно выкипела.

Юй Иньинь окинула его долгим взглядом. Должно быть, мысли о еде в столь неподходящий момент показались ей верхом нелепости. На лице её отразилось смиренное недоумение.

— Раз ты в порядке, то не задерживайся. Проснулся — возвращайся к себе.

Несмотря на то что Линь Цинхэнь называл её наставницей, со стороны могло показаться, будто они едва терпят друг друга. Однако юноша давно привык к её суровому нраву и лишь мягко поблагодарил за заботу.

Их знакомство началось ещё в его раннем детстве. Жалкий дворик Цинхэня находился в самом заброшенном углу поместья, как раз у края плантаций. Когда мальчишку травили и он не мог дать сдачи, он неизменно бежал сюда.

Здесь действовал строгий запрет на использование боевой духовной силы, а огромные заросли диковинных растений создавали запутанный лабиринт с множеством развилок. Цинхэню достаточно было найти укромную лазейку, и его никто не мог отыскать.

Никто, кроме Юй Иньинь.

Маленький и тощий, он сворачивался клубочком в дупле дерева и, затаив дыхание, наблюдал в щель за преследователями. Когда ватага старших ребят прибежала к плантации и начинала расспрашивать управляющую, Цинхэнь замирал от ужаса.

Эта женщина с вечно бесстрастным лицом казалась ему куда страшнее тех задир. Он знал, что она его видит: их взгляды встретились сквозь узкую прореху в коре.

И тогда суровая Юй Иньинь, под пристальным, полным отчаяния взором ребёнка, невозмутимо указала детям неверное направление.

Для Линь Цинхэня это стало первым проявлением доброты после перерождения в этом мире. Он тогда мысленно возносил молитвы, благодаря «красивую сестрицу» и называя её самым лучшим человеком на свете.

Для самой же Иньинь это был лишь мимолётный порыв. Она не придала случаю значения: задиры ушли, а гадкий ребёнок из дупла одарил её благодарной улыбкой. Женщина лишь нахмурилась и ушла прочь. Дела семьи Линь её не заботили, и этот мальчик не был исключением.

Всё изменилось спустя несколько месяцев. В центре духовного источника плантации произошёл внезапный сбой, который затронул рой пчелиных кристальных бабочек.

Эти существа были «Сутью» Иньинь. Как мастер приручения, она содержала пятьсот бабочек — важнейшую часть экосистемы плантаций. Духовная энергия, переработанная ими и

попадавшая в почву, была жизненно необходима для роста редких трав. Именно этот уникальный навык позволял Иньинь прочно удерживать своё место — даже те, кто стоял выше, не смели её обижать.

Тот всплеск энергии был настолько силён, что связь между хозяйкой и несколькими ранеными насекомыми оборвалась. Каждая особь была на счету. Весь персонал плантации день напролёт прочёсывал кусты, но одну бабочку так и не нашли.

Управляющая уже была готова смириться с потерей, когда на следующее утро обнаружила на пороге своего дома того самого некрасивого ребёнка.

Шестилетний Цинхэнь услышал звук открываемой двери, обернулся и расплылся в широкой улыбке. Тогда он ещё не носил маску. Родимое пятно, сине-багровое, почти чёрное в некоторых местах, покрывало почти всё его лицо. Худой, маленький, в старой грязной одежонке — он действительно выглядел уродцем. Даже его улыбка вряд ли могла вызвать у кого-то симпатию.

Но его глаза... они были огромными и сияли, словно чёрные обсидианы. Увидев Иньинь, мальчик осторожно раскрыл сложенные лодочкой ладони.

Там лежала та самая бабочка. Он искал её всю ночь — и всё-таки нашёл.

— Возвращаю вам. Спасибо, что помогли мне тогда, — прошептал он. — Смотрите, она живая.

Бабочка встряхнула крылышками и перепорхнула с детской ладони на кончик пальца Юй Иньинь. В этот миг в сердце женщины что-то дрогнуло.

Мальчик оказался не только благодарным, но и поразительно умным. То, что он нашёл пропажу там, где пасовали взрослые, не было случайностью.

Когда Иньинь начала расспрашивать его, выяснилось, что ребёнок знает карту плантаций наизусть. Каждая тропа, каждый лаз запечатлелись в его памяти так чётко, что он мог спрятаться от любого. Он провёл здесь всего несколько месяцев, но ориентировался лучше старых слуг.

— ...А ещё я заметил, что они летают по правилам. У каждой свои задачи, и они все разные, — медленно объяснял ей Цинхэнь своим тонким детским голоском, но с поразительной уверенностью. — Эта бабочка не исключение. У неё был свой маршрут, я просто пошёл вдоль него и нашёл её — она запуталась в листве на самой верхушке.

Попав в этот мир, Линь Цинхэнь никогда прежде не видел таких существ, а потому наблюдал за ними с особым пристрастием. Даже сама Юй Иньинь, вырастившая их, не вникала в такие мелочи.

С того дня они стали общаться.

Юй Иньинь оставалась холодной и отстранённой, словно её ничто не могло тронуть. За десять лет их отношения внешне почти не изменились, но на деле эта женщина стала единственным источником тепла для Цинхэня в суровом доме Линь. Она стала его тайным наставником.

Управляющая оказалась великолепным учителем. Её познания в области духовных растений были безграничны, и, видя талант ученика, она щедро делилась опытом. Даже пара её советов порой стоили месяцев самостоятельного изучения. Линь Цинхэнь считал встречу с ней величайшей удачей — без её покровительства он вряд ли смог бы столько лет выдавать себя за обычного рабочего.

Юноша подозревал, что его наставница далеко не так проста, как хочет казаться. Её эрудиция и кругозор, пожалуй, превосходили всё, что он видел в клане Линь. Но у каждого свои секреты, и Цинхэнь не задавал лишних вопросов.

Он прекрасно осознавал шаткость своего положения. В семье Линь хватало тех, кто желал ему зла, поэтому слово «наставница» звучало лишь за закрытыми дверями. Со стороны казалось, что их ничего не связывает — и Линь Цинхэнь делал всё, чтобы так оно и оставалось.

Когда он пришёл в себя, Юй Иньинь была в на редкость добром расположении духа. Она даже снизошла до того, чтобы рассказать новости:

— Ты не ошибся в догадках. Девятая старейшина Линь Шушу действительно вернулась сегодня. Те двое рабочих тоже отделались лёгким испугом.

«Значит, я был прав», — подумал Цинхэнь.

После славной победы в доме наверняка закатят пир, но его, разумеется, никто не пригласит. Юноша, проголодавшийся за день, поднялся с кровати, намереваясь раздобыть хоть какой-то еды. Однако, сделав пару шагов к двери, он замер.

Внимание привлекла странная деталь, которую он не заметил сразу после пробуждения. На левом запястье, прямо под кожей, виднелось ярко-зелёное пятнышко размером с ноготь.

Присмотревшись, юноша понял, что это не просто пятно, а крохотное изображение ростка, словно впечатанное в плоть. Причём очертания этой травинки казались ему до боли знакомыми.

Он остановился в дверях, чем вызвал недоумение у сидевшей поодаль Иньинь.

— Что такое? — спросила она.

Цинхэнь на мгновение застыл, а затем инстинктивно протянул руку:

— Наставница, посмотрите.

— На что смотреть? — Женщина нахмурилась, вглядываясь в его запястье. — Ты и там умудрился пораниться?

Она не видела.

В этот момент юноша понял, почему рисунок кажется знакомым. Именно так выглядела проекция «Сути» алхимика во время церемонии измерения духа.

Он невольно коснулся знака пальцем, пытаясь понять, можно ли его стереть. Стоило ему дотронуться до кожи, как перед глазами вспыхнул знакомый экран — точь-в-точь такой же, как в его недавнем видении.

Система алхимии!

Значит... всё это правда. Это был не сон!

Линь Цинхэнь оцепенел.

«Неужели я всё-таки не бесталанный калека?»

И если это Система, то почему она явилась лишь спустя двенадцать лет после перерождения? Ну и задержка...

Юй Иньинь не видела ни ростка на запястье, ни парящего в воздухе экрана. Ей лишь показалось, что пробуждение как-то странно подействовало на юношу. Она хотела было переспросить, но Линь Цинхэнь вдруг подпрыгнул на месте, словно от удара током.

— Я в полном порядке! — Он, точно испуганный заяц, распахнул дверь и выскочил наружу. — Спасибо, наставница! Увидимся завтра!

Юй Иньинь лишь проводила его недоумённым взглядом.

«Он что, головой ударился, когда падал?»

Отбежав на безопасное расстояние, Цинхэнь присел под старым деревом. Прохладный вечерний ветерок помогал прийти в себя.

«Просто Система. Всего лишь Система. Успокойся», — твердил он себе раз за разом.

Но уже в следующую секунду он обхватил голову руками и беззвучно закричал от восторга.

«О боги, это и впрямь происходит!»

Лишь к глубокой ночи, вдоволь надышавшись холодным воздухом, Линь Цинхэнь окончательно успокоился. Сделав глубокий вдох, он снова коснулся запястья, вызывая экран.

Пусть Система и запоздала, но, если подумать, время было выбрано идеальное. Случись это сразу после его появления в Царстве Духов, он бы наверняка возомнил себя избранником судьбы, а излишняя самоуверенность редко доводит до добра.

К тому же Система не предлагала даров за просто так. Надписи были предельно четкими: для получения награды требовалось выполнить задание.

[Задание для новичка №1]

С виду — сущий пустяк, элементарный уровень. Но в Царстве Духов каждый знал: уровень мутации круглой пшеницы не поддается человеческому контролю. Это была аксиома.

Семена, которые использовала семья Линь, считались лучшими в своём роде, а условия на их плантациях были едва ли не идеальными. И даже там уровень мутации едва достигал двух процентов.

Любой другой, получив такую задачу, лишь рассмеялся бы в лицо, назвав её невыполнимой.

Любой, кроме Линь Цинхэня.

<http://bllate.org/book/15326/1356242>